

Недавно в одном из эфиров местного телевизионного канала мне задали вопрос: «Как становятся поэтами?» Стоит признаться, что это был единственный вопрос, который ввел меня в ступор. Причем не столько потому, что сам по себе он звучит несколько по-детски, сколько по той причине, что он требует как минимум нескольких уточнений. Что подразумевается под словом «стать»? Написать ли стоящие произведения, суметь ли донести их до окружающих, быть ли принятым в серьезную поэтическую среду?

В моем понимании быть поэтом можно, даже если ты остался последним человеком на земле.

Либо в тебе это есть, либо в тебе этого нет. Читатели, публикации, выступления, премии — все это может быть, и это здорово. Но этого вполне может не быть, и этот факт нисколько не умаляет поэтического мастерства или (и) таланта конкретного человека.

Конечно, внешняя атрибутика важна. Читатель обеспечивает связь поэта с окружающим миром. Читатель возвращает поэту часть затраченной им на написание стихов энергии, обеспечивая ему (поэту) востребованность. Принятие в литературу способствует общению с себе подобными, удовлетворяет потребность автора в реализации и т. д.

Но поэзия «поселяется» в человеке намного раньше всего этого.

А начинается поэзия, на мой взгляд, с недовольства собой. Здесь можно возразить и задать вопрос: «Почему же, собственно, недовольство касается самого себя? Разве мало чем можно быть недовольным? Окружающим миром, государством, конкретными людьми, например?» Смею предположить, что, если копнуть глубже, суть такого недовольства сведется к тому, что поэт недоволен не окружающим миром, государством или конкретными людьми, а тем, что он не способен

изменить что-то в окружающем мире, государстве или конкретных людях, то есть возвращаемся к тому, что недовольство все-таки начинается с себя.

Суть поэзии, таким образом, заключается в том, чтобы попытаться найти некую универсальную формулу, обеспечивающую гармонию человека с окружающим его миром. Над этой задачей, на мой взгляд, трудились многие поколения поэтов, и решать ее, эту задачу, предстоит и сегодняшнему, и будущим поколениям.

Вячеслав Иванов

* * *

Ты спрашиваешь, как меня зовут?
Не знаю сам. Родители не дали
Мне имени. Я сквозь земные дали
Незванным прокладывал маршрут.

Мой первый стих был горьким, как полынь.
Второй был самых спелых ягод слаще.
И только третий вышел настоящим,
Простым, как снег, и скорбным, как Хатынь.

Ты спрашиваешь, как меня зовут?
Из всех имен явлений и предметов
Страшней всего быть названным поэтом
И с этим ярлыком идти на Суд...

* * *

Вот как-то ты неправильно живешь, —
Официант сострил в кафе «Кибитка»,
Когда я отдавал последний грош
За граммы драгоценного напитка.

Вот как-то ты неправильно живешь, —
Смотрела на меня с укором мама,
Когда в Филях раскосый доктор Ош
Мою расшифровал кардиограмму.

Вот как-то ты неправильно живешь, —
Твердила мне замужняя соседка, —
Ведь ты в постели, Витенька, хорош!
А бабы у тебя бывают редко!

Вот как-то ты неправильно живешь, —
Гудит по всем каналам телевизор,
Знатнейших ставя мне в пример вельмож
Из думского гнилого шоубиза.

Молчу. Терплю и маму, и Москву,
Но до чего ж порою мне обидно!
Я знаю, что неправильно живу!
Но я живу! И сдохнуть мне не стыдно!

* * *

Чуть отдалившись от вокзала,
Я не узнал в окошке местность,
Но проводница мне сказала,
Что поезд мчится в неизвестность.

И ни полей, и ни избенок:
Все будто в утреннем тумане.
И я, как брошенный ребенок,
Хочу обратно в детство, к маме.

Мне было пять, когда под вечер
Пришел домой отец не в духе
И рассказал, что мать «далече...»,
Что, мол, «глаза ее потухли»,

Что «стало ей приютом небо
Заместо нашего барака».
И, протянув краюху хлеба,
Обнял меня и долго плакал...

А поезд мчится все быстрее,
Звенит стакан о подстаканник.
Но разве чай меня согреет...
И я, закрыв лицо руками,

Входя с вагоном вместе в штопор,
Вдруг вижу белую палату,
И слышу тихий мамин шепот,
Как будто в чем-то виноватый.

И поезд — свод больницы ветхой,
Где проводница — врач-безбожник.
И ускользящее эхо:
«Сынок, увидимся, но позже...»

* * *

Нежностью первого снега
Я покорен.
Ни одного человека
Под фонарем.

Только потоки снежинок
В светлом пятне.
Сколько исправить ошибок
Хочется мне.

Если бы ты понимала,
Если... Хотя
Утром какой-нибудь мальй,
Здесь проходя,

Грязной кирзою натопчет...
Варвар! Ты знал,
Сколько мне стоила ночи
Той белизна?

* * *

Зачем ты плакала, скажи?
Зачем ты плакала?
Мы проживаем эту жизнь
Неодинаково.

Я мельтешу, как солнца блик,
Как вспышка медная.
И, видишь, я к тому привык,
Что ночью нет меня.

Когда же мне уйти пора,
Стряхнув оковы, ты
Воспламеняешься, как бра,
В глубинах комнаты.

К чему же слезы? Я вернусь,
Хотя и незачем.
Душа моя — карман. А грусть
В нем вместо мелочи.

Я, как пиджак, латаю жизнь
Свою заплатками.
А ты, счастливая, скажи,
Зачем заплакала?

* * *

«Я тебя никогда никому не отдам», —
Нет, пожалуй, глупее истины.
Мне пора на перрон. Только мой чемодан
Не вещами набит, а листьями.

Я собрал их, когда был впервые твой взгляд
По-осеннему пуст и холоден,
И хранил под тахтой, а когда листопад
Обнажил все деревья в городе,

Я сложил свой багаж в небольшой чемодан,
Взял такси до вокзала в Жодино.
«Я тебя никогда никому не отдам», —
Написал на листке. И сжег его.

* * *

Когда Серега умер от запоя,
За ним прислали ржавую «газель».
Тем утром на дорогах Уренгоя
Заснеженный свирепствовал апрель.

Машина, у подъезда сев на брюхо,
Не в силах скорбный свой продолжить путь,
Беспомощно завывла, как старуха,
Пришедшая соседа помянуть.

И кто-то говорил: «Серега шутит!
С ним вечно приключается курьез!»
И было что-то страшное до жути
В бессмысленном вращении колес.

* * *

Мой друг пускал по венам счастье
И видел в небе корабли.
Но было счастье слишком частым —
Его однажды не спасли.

Другой мой друг любил не в меру,
Под люстрой стал на табурет.
Потом прочли, — он любит Веру,
Без Веры в жизни смысла нет.

Мой третий друг зачах от скуки,
Когда минуло тридцать лет.
Он написал: «Все люди — суки»,
Достав обычный пистолет.

Четвертый возомнил поэтом
Себя с какого-то рожна.
И от непризнанности летом
Случайно выпал из окна.

А пятый друг мой «без привета».
Он проходимец и хамло!
Но, может быть, как раз вот это
Его от смерти и спасло.

* * *

Люди спросят у порога:
— Что за пазухой твоей?
— Прячу внутреннего Бога
От соборов и церквей.

Он не любит позолоту
На крестах и образах.
И в душе моей свободу
Поселяет, а не страх.

— Где ж ты взял его?
— Не важно,
Если вера глубока.
Я нашел его однажды
На снегу у кабака.

Был февраль, и он дрожал весь,
В ледяную глядя тьму.
И казалось мне, что жалость
Проявляю я к нему,

Но когда его я поднял,
Озарилось все вокруг!
За мгновение я понял:
Он мне самый близкий друг!

— Веришь в Бога?
— Верю слепо!
И с того не важно дня:
Я несу его по свету,
Или он ведет меня.

Улетай, душа моя, улетай
За поля, за речку, за монастырь.
Я тебе сегодня не поводишь.
Без меня отыщешь дорогу в рай.

Улетай, душа моя, воробьем,
Что склевал пшено и навеки сыт.
Мне до Бога долго идти босым.
Вся земная сила — в крыле твоём!

Улетай душа. Пусть горят костры
Под тобою блеклых фальшивых лун.
Я забился, видишь, как мышь, в углу,
А углы, как бритва, теперь остры.

Улетай, душа моя, в добрый путь!
Да оставь собакам бездомным плоть.
Из тебя к рассвету седой Господь
Неприменно слепит кого-нибудь...

Остановка

«Родильный дом» был первой остановкой,
Вторая — «Школа», третья — «Институт».
И вот тебя, голубчик, вместо Вовки
Попутчики Владимиром зовут.

Четвертой — будет «Загс», а, может статься,
Какой-нибудь загадочный «НИИ»,
Где ты напишешь пару диссертаций
Про сходство человека и свиньи.

А пятой остановкой будет «Винный».
Там с кем-нибудь поделишься душой,
И на шестой окажешься «У Нины», —
Голубоглазой, милой, но чужой.

Седьмая остановка будет самой,
Пожалуй, затяжной. Таков маршрут!
Там Вас, «почтенный наш Владимир Саныч»,
На пенсию бессовестно попрут.

Кушетка в коридоре, санаторий,
Прибавки, льготы... Но, как ни крути,
Восьмая остановка «Крематорий» —
Конечная на жизненном пути.